

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Расков Д. Е. *Экономические институты старообрядчества*. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2012. — 344 с.

Имя автора книги достаточно известно историкам экономической мысли и предпринимательства, а также специалистам в области неоинституциональной экономики. Д. Е. Расков — автор нескольких серьезных работ по экономической истории старообрядчества, получивших положительный отклик в научной среде. Рецензируемую книгу можно рассматривать как некоторый итог научных исследований автора в данной области.

В последние годы история старообрядчества стала активно привлекать к себе внимание историков. Напомним, что еще в 1996 г. была издана работа С. Г. Вургафта и И. А. Ушакова «Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря», в которой содержались сведения о вероучении различных согласий и биографические данные видных деятелей старообрядчества. Д. Е. Расков демонстрирует хорошее знание историографии, причем как отечественной, так и зарубежной.

Монография состоит из трех глав, разбитых на параграфы, нумерованных приложений и списка литературы и источников. Работа посвящена исторической тематике, которая в последние годы стала весьма популярной среди историков. Появились фундаментальные работы в этом направлении, поэтому данная работа развивает это направление.

Следует отметить большую ценность вновь вводимых в научный оборот архивных источников из РНБ, РГБ, БАН, РГИА, РГАДА, ЦГИА СПб и др. Кроме того, в работе нашли отражение и материалы, собранные автором во время многочисленных полевых исследований по России и странам СНГ.

К несомненным достоинствам рецензируемой работы нужно отнести новаторский характер постановки задачи и методов ее решения. Это касается исследования на неоинституциональных основах феномена старообрядческого предпринимательства в России.

Ценным видится подробный разбор автором логики Макса Вебера относительно «духа протестантизма» и критики его методологии в свете исторических фактов как в начале XX в., так и в наши дни (глава 2). Любопытна для читателя и глава 3 монографии: в ней автор серьезно исследует феномен общины как специфического института, позволявшего добиваться определенных хозяйственных результатов за счет самоорганизации.

При анализе старообрядчества автор очень серьезно подходит к количественным характеристикам данного явления, обращая внимание на статистические данные ревизий и обсуждая проблему достоверности данных и их полноту.

Понимая невозможность охватить все старообрядчество царской России, автор в основном концентрирует свое внимание на московском, петербургском и новгородском регионах. Это позволяет ему глубоко и всесторонне проанализировать экономические аспекты старообрядчества. Применительно к XIX столетию он убедительно показывает, что старообрядцы стали занимать ключевые позиции в отдельных отраслях производства, причем связывает это с «духом» старообрядчества.

Проведя экономико-статистическое изучение старообрядческого предпринимательства в Москве, Санкт-Петербурге и Новгородской губернии, автор пришел к весьма важным выводам. Старообрядцы в этих регионах были в среднем более успешны в торговле, промышленности и отхожих промыслах, более

трудолюбивы и смекалисты, более чувствительны к новым тенденциям в технологиях, чем остальное население. Но особенно выдающейся была их роль в создании самой передовой на тот момент текстильной промышленности (хлопчатобумажной и шерстяной), ориентирующейся на широкий рынок сбыта. Сопоставив статистические данные по промышленным предприятиям, принадлежащим старообрядцам, автор попытался выявить динамику этого старообрядческого предпринимательства. В результате исследования автор пришел к выводу, что предпринимательские сети староверов в большей степени проявили себя в момент начального развития русской текстильной промышленности (с конца XVIII в. по 1860-е гг.), т. е. на тот период, когда староверы могли использовать определенные преимущества в найме единоверцев и общинном накоплении капиталов.

Автору во второй главе удалось показать двойственную роль норм, которую они имели в разные периоды времени под воздействием различных внешних обстоятельств. Так, если в условиях существования крепостного права и неразвитости рыночных отношений нормы, сложившиеся в общинах старообрядцев, помогали формированию новых институтов в промышленности и торговле, то в конце XIX в. эти нормы стали определенным препятствием для дальнейшей экспансии.

Несмотря на то что относительно недавно (2004) вышла фундаментальная работа В. В. Керова «Се человек и дело его...», посвященная конфессионально-этическим факторам старообрядческого предпринимательства, автор находит для себя «исследовательскую нишу» как экономиста, перекидывая мост от экономической истории к экономической теории.

В заключение автор делает весьма важные для историко-экономической работы выводы: «Старообрядческий тип ведения дел, хоть и был генетически важен для русского капитализма, не стал доминирующим и не раскрыл себя полностью» (с. 265); «с точки зрения институтов большую роль в генезисе и развитии феномена старообрядческого предпринимательства сыграла сама община верующих, которая стала экономической общностью и временами работала как современные фонды, которые концентрируют капиталы, получают информацию, связывают в единую сеть регионы, власть и трудовые ресурсы» (с. 269).

Тем не менее в работе, с нашей точки зрения, имеются некоторые недостатки, о которых следует остановиться подробнее.

По нашему мнению, работа не очень удачно структурирована: в первой главе, носящей историко-экономический характер, автор показывает численный состав старообрядчества в России, распределение по сферам деятельности и географии, вторая же глава — теоретико-историческая — посвящена анализу идей Макса Вебера и их приложению к старообрядческому предпринимательству в России. Третья глава носит сугубо теоретический характер, поскольку в ней автор, используя идеи неoinституционализма, объясняет феномен старообрядческого предпринимательства. Уместно было бы начать с теоретической части — постановки проблемы в современной терминологии, а затем давать конкретные иллюстрации относительно развития старообрядческого предпринимательства в России. Это связано с тем, что задача автора не просто описать неизвестные страницы старообрядчества, чем весьма активно занимаются сейчас историки, а проинтерпретировать его в современной неoinституциональной терминологии.

На стр. 91 автор, сравнивая данные таблиц 9 и 10 (вероисповедальный состав петербургского купечества), автор пишет: «Можно утверждать, что капиталы концентрировались главным образом в руках протестантов... и иудеев. Эта тенденция... по всей вероятности, сохранялась и впоследствии». Вероятно, автору

следовало бы подкрепить это утверждение статистическими данными. Ведь начало XX столетия характеризовалось очень мощным развитием промышленности и торговли. Как в эти почти 20 лет (по сравнению с 1893 г.) изменялись доли представителей разных вероисповеданий в предпринимательской сфере? Очевидно, что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

На с. 204—213 автор обращается к вопросам эсхатологии и мирской активности староверов. Безусловно, сама проблема очень важная. Но нужно ли углубляться в богословские «премудрости» в данной работе? Нам представляется, что этот вопрос требует самостоятельного изучения. Здесь, анализируя большое количество литературных источников, к сожалению, автор не приходит к какому-то содержательному выводу, а лишь указывает на сложность и неоднозначность вопроса и его решение в трудах других исследователей.

Автор останавливается на очень интересном экономическом явлении — сокращении числа фабрик, принадлежащих старообрядцам во второй половине XIX столетия по Москве. Он поясняет, что это происходило во многом из-за того, что поведенческие нормы старообрядцев не успевали приспособливаться к внешним изменениям. Можно ли на основании этого делать вывод о снижении роли старообрядчества в экономическом развитии всей страны в связи с развитием капитализма в России? Думается, что этот сюжет требует более подробного рассмотрения.

В конце книги автор дает пять приложений, которые можно условно разделить на две части — полезные и не очень полезные для читателя. Архивный материал из работы Мануила Петрова «Наставление братии, занятой в торговом промысле», безусловно, относится к первой части, поскольку передает специфику и «аромат» периода и позволяет увидеть стиль языка середины XVIII в. Это относится и к фрагменту из «Отечественных завещаний» Сергия Гнусина «О лихомании» (1808 г.). Единственное замечание, которое следует сделать автору, — археографическая обработка документа. В первом случае автор оставляет старую орфографию, но не везде, а во втором в некоторых случаях приводит в соответствие с современной орфографией, например, убирает «ъ». Очевидно, что нужно публиковать документы так, как это принято в исторических публикациях: либо приводить полную копию, либо весь текст приводить к современной орфографии.

Два приложения, по нашему мнению, носят отчасти случайный характер. Так, четвертое приложение называется «Список значительнейших из числа старообрядцев жителей древней столицы Москвы в 1838 г.». Алфавитное перечисление имен и собственности не имеет наглядности. Было бы гораздо лучше эту информацию дать в виде таблицы.

В «Списке влиятельных прихожан Рогожской общины поповцев» (1906 г.) на 318 персон есть лишь топонимическая привязка старообрядцев к территории Москвы, но нет никаких количественных характеристик собственности. Если бы работа была бы посвящена краеведению старообрядчества, то такой список был бы вполне уместен.

В целом следует подчеркнуть, что выход книги Д. Е. Раскова — важное событие для тех, кто занимается историко-экономическим изучением России.

А. Л. Дмитриев,
канд. экон. наук

Санкт-Петербургский государственный университет